

© 1990 г.

БОНДАРКО А. В.

О ЗНАЧЕНИЯХ ВИДОВ РУССКОГО ГЛАГОЛА

Исходные принципы

Наше понимание видовых значений и теоретических оснований их анализа определяется следующими положениями.

1. Категория вида в русском языке, как и в других славянских языках, охватывает все глаголы (в том числе и двувидовые) и все глагольные формы, являясь обязательной для глагола в целом. Естественно, что категориальные (системные) видовые значения характеризуются высокой степенью абстрактности, грамматической формальности.

2. Обязательность выбора формы либо совершенного (СВ), либо несовершенного вида (НСВ) в каждом акте употребления глагола имеет далеко идущие последствия. При общей «исходно-денотативной» перспективе — от смысла, который хочет выразить говорящий, к соответствующим языковым средствам с их значениями — в сфере вида возможна и противоположная перспектива — «исходно-формальная»: выражение того или иного видового значения может быть следствием «вынужденного» употребления формы либо СВ, либо НСВ в условиях облигаторности. С этим связана явно выраженная избыточность видовых значений. На этой основе получают распространение многообразные «вторичные применения» категории вида в связи с реализацией функций локализованности / нелокализованности действия во времени, собственно времени, таксиса, модальности и связанных с нею прагматических элементов (ср. участие видовых форм императива в выражении различных оттенков вежливости), а также функций определенности / неопределенности и коммуникативной перспективы высказывания.

Именно обязательность категории вида и вытекающие из нее последствия являются основным источником тех трудностей, с которыми встречаются при овладении русским и другими славянскими языками носители «невидовых языков» или языков с иными (ограниченными) видовыми системами. С явлением облигаторности во многом связана особая сложность теоретической проблематики значения и употребления видов.

3. Вид относится к числу грамматических категорий с преимущественно интерпретационной семантикой [1, с. 47—50].

4. Видовая семантика, выражаемая в высказывании, представляет собой результат взаимодействия системы и среды. Элементы того или другого участвуют в содержании и выражении каждого из частных значений обоих видов.

5. Соотношение семантически маркированного СВ и немаркированного НСВ обуславливает различия в характере взаимодействия системы

и среды в сферах частных значений СВ, с одной стороны, и НГВ, с другой. Вторичные частные значения СВ испытывают активное воздействие системного значения формы СВ. Что же касается частных значений НСВ, то они характеризуются активной ролью элементов среды во взаимоотношениях с системным значением НСВ, играющим роль относительно пассивного «фона».

6. Видовая принадлежность и видовое значение глагола определяются независимо от того, является ли данный глагол парным (*писать — написать, записать — записывать*) или непарным (ср. СВ *грянуть* и НСВ *граничить*). Следовательно, анализ видовых значений должен осуществляться не только в рамках видовых пар, но и за их пределами, в общей системе форм вида.

7. Необходимо разграничивать и соотносить анализ видовых значений на следующих уровнях:

а) видовой системы, т. е. по отношению к категории вида в целом; речь идет о категориальных значениях форм СВ и НСВ как элементов грамматической системы языка;

б) реализации категориальных видовых значений в определенных лексических классах глаголов (предметом рассмотрения являются словоформы и классы словоформ);

в) частных видовых значений, выявляемых на основе анализа функционирования видов (типичные значения рассматриваются в их вариативности, реализующейся в речи);

г) аспектуальной характеристики высказывания; для грамматического описания данного типа, тесно связанного с анализом частных видовых значений, но отличающегося ориентацией на уровень семантики высказывания, нами используется понятие «аспектуальная ситуация» (ср. описание процессных ситуаций и ситуаций обобщенного факта [2, с. 116—2001];

д) аспектуальной характеристики текста.

8. В общей системе межкатегориального взаимодействия для категории вида первостепенное значение имеет взаимодействие с семантикой локализованности / нелокализованности действия (ситуации) во времени (ср. *однажды заметил / всегда замечал* [3]). Эта семантика непосредственно воздействует на значения и употребление видов. Можно говорить о сопряженности вида и временной локализованности. В межкатегориальное взаимодействие, связанное с видом, включаются также поля темпоральности, таксиса, модальности и ряд других полей — таких, как персональность, залоговость, субъектность и объектность, определенность / неопределенность, коммуникативная перспектива высказывания, качественность, количественность, локативность (см., в частности, [4—12]).

Категориальное значение совершенного вида:
признаки целостности и ограниченности действия пределом
(общая характеристика)

Категориальные значения форм вида (и любых других грамматических форм) понимаются нами как значения системные, т. е. исходящие от грамматической системы языка. Речь идет о значениях, которые устанавливаются в системе противопоставленных друг другу рядов форм, конституирующих данную грамматическую категорию.

Системное значение грамматической формы может пониматься по-

разному. На наш взгляд, наиболее целесообразен наименее жесткий подход, учитывающий разные типы категориальных значений. Имеются в виду следующие структурные типы:

1) общее инвариантное значение, охватывающее всю сферу функционирования данной формы (именно таково категориальное значение формы СВ; ср. также инвариантное значение формы сложного будущего времени типа *буду писать*, значение форм 1-го лица и т. п.);

2) семантический потенциал грамматической формы, который может выступать:

а) как ее значимость, «семантическая компетенция», находящая ту или иную реализацию в зависимости от взаимодействия с разными типами среды (таков семантический потенциал формы НСВ);

б) как основное значение, охватывающее центральную сферу функционирования данной формы и сочетающееся с одним или несколькими периферийными значениями (ср. основное значение будущего времени у форм типа *напишу* и периферийное значение неактуального настоящего: *Не любит письма писать, редко когда напишет*: ср. также основное значение форм 2-го лица ед. числа — «участие слушающего» — и относительно периферийное обобщенно-личное значение этой формы, не сводимое к единому инвариантному значению);

в) как комплекс нескольких основных значений в условиях грамматической полисемии, включающей и периферийные значения (ср. значения родительного и творительного падежей; подробно о типах категориальных значений, в том числе об общих значениях как одной из разновидностей категоризации значений см. [13]).

Известное определение значения СВ на основе признака неделимой целостности действия (ЦЕЛОСТИ.) [14, с. 307—311] вполне согласуется с определением, базирующимся на признаке ограниченности действия пределом (далее СТР.). Рассматриваемые признаки дополняют друг друга, фиксируя близкие, хотя и не тождественные элементы языковой семантической интерпретации характера осуществления действия (ср. справедливое, на наш взгляд, суждение О. Даля о нецелесообразности отождествления понятий «totality» и «boundedness» [15]).

Когда речь идет о целостности действия, обычно имеется в виду прежде всего представление действия вне членения на фазы (по Л. П. Размусену, «начало, середина и конец — совокупно» [16, с. 379]). В том же смысле трактуется отсутствие внутренней динамической структуры протекания действия во времени [17]. Обозначается факт, представленный как целое, без выделения срединной фазы действия и без выражения внутренней динамики его протекания от прошлого к будущему. Именно с этой стороной рассматриваемого признака связана несочетаемость инфинитива СВ с фазовыми глаголами типа *начать, продолжать, кончить*: невозможны сочетания типа **начал {продолжал, кончил} написать* и т. п. [18, с. 108—110; 14, с. 218—222].

Рассматриваемое представление действия противопоставлено эксплицитной процессности, которую может выразить лишь НСВ (*Посмотри, вон поднимается шар*): в действии выделяется срединная фаза и именно она получает процессную интерпретацию. Раскрывается внутренняя временная структура протекания действия: протекание времени как бы включено в обозначаемое протекание действия, т. е. течение действия выражается в единстве с течением времени.

Необходимо подчеркнуть, что речь идет именно об эксплицитной процессности. Что же касается процессности имплицитной, то на уровне

семантики высказывания она может совмещаться с ЦЕЛОСТИ, и ОГР. Ср. «ситуации достигнутого предела с элементом имплицитной процессности» в высказываниях типа *Замолкли не сразу, а постепенно* 'Я медленно развязал тесемку; Он постепенно втянулся; Корягу наконец выволокли: с участием элементов контекста выражается достигнутый предел (целостность) в сочетании с подразумеваемым предшествующим процессом, который привел к данному результату, ср. эксплицитную процессность: ...медленно развязывал и наконец развязал... [19, с. 94—98].

Еще одно пояснение. Когда речь идет о несовместимости признака ЦЕЛОСТИ, с членностью действия на фазы (именно поэтому говорится о *н е д е л и м о й* целостности действия), имеется в виду невычлененность с р е д и н н о й фазы: лишь выделение этой фазы ведет к развертыванию внутренней структуры действия, к его расчленению, нецелостности. Что же касается представления действия в его начальной фазе (*заву-чать, запеть* и т. п.), то такое представление действия вполне совмещается с целостностью: выражается целостность не «внеязыкового действия» во всем его объеме, а языковой интерпретации действия — интерпретации начинательной. Иначе говоря, выражается целостность начальной фазы действия. При этом фаза продолжения подразумевается, имплицитруется (она может и дополнительно актуализироваться контекстом: *Он запел. Все слушали, затаив дыхание*), однако в самом глаголе эксплицитно выделен начинательный способ действия и только к нему относится признак целостности. То же можно сказать о глаголах тех способов действия, в которых выделяется конечная фаза: *договорить, допеть; отзвучать, отшуметь* и т. п. Выражается целостность действия, представленного в его конечной фазе (остальные фазы могут лишь имплицитироваться).

Признак ЦЕЛОСТИ, сопряжен со взглядом на действие «со стороны»: именно таким образом действие может быть представлено как целое, в отличие от обозначения действия в процессе его протекания, когда говорящий как бы находится внутри процесса [20]. Эта интерпретация данного признака тесно связана с только что рассмотренной: взгляд на действие «со стороны» предполагает отсутствие выделения и развертывания срединной фазы.

По существу целостность в данной интерпретации представляет собой отрицательное содержание: в нем заключено отрицание тех признаков, которыми характеризуется процессность, — членности действия на фазы, внутренней темпоральной структуры действия. Справедливо суждение Ю. С. Маслова о том, что «неделимая целостность действия имплицитует его непроецессность» [21, с. 16].

В содержании целостности есть, однако, и положительный элемент. Речь идет о том, что было определено А. А. Шахматовым как «полнота проявления действия-состояния» [22]. Данная интерпретация в равной степени относится и к целостности, и к ограниченности действия пределом.

Признак ОГР., смыкаясь с целостностью в отношении полноты проявления действия, акцентирует фиксацию границы, означающей исчерпанность действия (в данном его представлении), его предел.

Обратим внимание на отношении признака ОГР. к предельности / неопредельности глагола. Признак ОГР. может распространяться не только на действия, направленные на достижение предела (*сдавать — сдать экзамен* и т. п.), но и на те действия, которые не связаны с такой направленностью (*допускать — допустить, замечать — заметить, оставлять — остаться, разрешать — разрешить, дарить — подарить, совето-*

вать — посоветовать, стараться — постараться, щадить — пощадить и т. п.). Мы не можем сказать *допускал, но не допустил; *замечал, но не заметил; ^советовал, но не посоветовал. Действие может быть непредельным, но это не препятствует образованию СВ — перфективации, не связанной с видовой парностью: сидеть — посидеть, держать — подержать, сиять — засиять, шуршать — зашуршать и т. п.

Столь широкое распространение признака ОГР. обусловлено фундаментальным свойством обязательности, присущим славянскому глагольному виду. Тот факт, что признак ОГР. охватывает и те действия, которые не направлены на достижение предела, усиливает интерпретационную доминанту семантики вида и подчеркивает роль неуниверсальных элементов в этой семантике.

Заметим, что сама формулировка названия признака — «ограниченность действия пределом» — связана именно с указанными глаголами. Иначе можно было бы говорить о «достижении предела». Но это соответствовало бы лишь тем случаям, когда налицо направленность действия на достижение предела. Если же такой направленности нет, то целесообразно использовать более широкое понятие ОГР., охватывающее любые действия, представленные в реальном пределе (ср., с одной стороны, *строить* — *построить*, а с другой — *щадить* — *пощадить*; за рамками видовых пар это понятие охватывает и образования типа *стоять* — *постоять*, *звенеть* — *зазвенеть* и т. п.).

Таким образом, мы рассматриваем категориальное значение СВ как комплекс близких, но все же отличающихся друг от друга признаков составляющих единство: «ЦЕЛОСТИ.— ОГР.» — «ограниченное пределом целостное действие». Элементы данного комплекса всегда выступают в сочетании друг с другом. Нет ни одного примера употребления глагола СВ, в котором была бы выражена ограниченность действия пределом без целостности или целостность без ограниченности пределом.

Возникает вопрос: есть ли необходимость в раздвоении категориального значения СВ?

Определение значения СВ может быть основано лишь на одном и рассматриваемых признаках. Обычны дефиниции, в которых используется либо понятие целостности действия, либо понятие предела. Вместе с тем в аспектологической традиции известно и совмещение обоих понятий в одном определении. Речь идет прежде всего об определении Л. П. Размусена: «Глагол совершенного вида, мне кажется, означает первоначально действие как достигающее своей цели (своего предела), а затем вообще действие, рассматриваемое как одно целое (начало, середина и конец — совокупно). Глагол несовершенного вида означает первоначально действие как приготовление к достижению цели, а затем вообще действие рассматриваемое только со стороны вещественных (знаменательных) своих признаков, без обозначения целостности действия» [16, с. 379J. В этом определении, по справедливому замечанию Ю. С. Маслова, два момента сочетаются «как моменты (исторической или логической) последовательности» [21, с. 161.

В единстве рассматриваемых признаков трудно однозначно определить их иерархию. Мы не можем сказать, что один из признаков является во всех отношениях основным, а другой — производным, вторичным. Однако в одном отношении признак ОГР. все же мог бы быть поставлен на первое место. Речь идет о причинно-следственном отношении, в котором признак ОГР., с нашей точки зрения, выступает как исходный: именно потому, что действие достигает предела (так или иначе ограничи-

вается пределом), оно может быть представлено как неделимое целое. Правда, в принципе возможно и отношение взаимной обусловленности: целостность действия означает, что оно выступает в определенном пределе совершения. Однако основным направлением обусловленности является направление «от ограниченности пределом к целостности».

Ограниченность пределом — это внутренняя характеристика действия с точки зрения «полноты проявления данного признака во времени» (используем выражение Ф. Ф. Фортунатова [231]; речь идет о полноте относительной, при данном способе действия, ср. *запеть, попеть, спеть*). Целостность же — это обусловленный данной внутренней характеристикой способ представления действия с определенной точки зрения «на линии времени»: без вычленения срединной фазы, при «взгляде со стороны». Оппозиция ЦЕЛОСТН./НЕЦЕЛОСТН. отражает различие в исходной точке зрения говорящего на действие (ср. суждения А. Тимберлейка о «видовом ориентире» и о «точке зрения» при рассмотрении вида на пропозициональном уровне [241]).

Необходимо учитывать обе стороны значения СВ. Признак ОГР. выступает на передний план при рассмотрении вида в поле лимитативности, объединяющем разные типы отношения действия к пределу, включая различия реального и потенциального, эксплицитного и имплицитного, абсолютного и относительного предела, а также предельности/непредельности [19, с. 45—63]. Рассмотрение языкового материала в отношении к признаку ОГР. целесообразно, в частности, при анализе связей категории вида с теми способами действия, в которых так или иначе конкретизируется семантика результата (ср. общерезультативный и специально-результативные способы действия). С другой стороны, признак ЦЕЛОСТН. приобретает особую значимость при анализе соотношения семантики вида (и аспектуальности в целом) с такими семантическими категориями, как темпоральность, временная локализованность, модальность. Речь идет о всех соотношениях, для которых существенна «ориентационная» сторона семантики вида, связанная с точкой зрения говорящего, с его «взглядом на действие».

Есть и такие проблемы, при рассмотрении которых в равной степени актуальны оба признака, в частности, соотношение вида с семантикой таксиса, субъекта и объекта, определенности/неопределенности. На наш взгляд, внимание к взаимосвязям обеих сторон категориального значения СВ необходимо для аспектологии в целом.

К аргументации статуса категориального значения СВ: анализ «трудных случаев»

Определение категориального значения СВ, основанное на признаках ОГР. и ЦЕЛОСТН., как уже было сказано выше, охватывает все глаголы СВ во всех типах и вариантах их функционирования. Речь идет о подлинно общем значении. Рассмотрим некоторые «трудные случаи», которые могли бы дать (и дают) повод для сомнений в истинности данного определения. Один из таких случаев — начинательные глаголы типа *запеть, засверкать, задвигаться* и т. п. Выражается ли такими глаголами целостность действия и его ограниченность пределом? Ведь начинательность предполагает последующее продолжение действия. На наш взгляд, начинательные глаголы подчиняются общей закономерности. Признаки ОГР. и ЦЕЛОСТН. относятся не к действию вообще, а к его начальной фазе: именно эта фаза представлена в ее ограниченности пре-

делом и целостности (ср. *Он задремал* — начальная фаза достигла предела — и *Он уже задремывал...* — ограниченность пределом отсутствием). Конечно, подразумевается, что действие продолжается, но эта импликация выходит за рамки категориального значения СВ: видовая характеристика действия на уровне глагольной словоформы ограничивается начальной фазой действия.

Рассматривая концепции инвариантного значения СВ, М. Я. Гловинская замечает: «Ни предел, ни законченность действия не являются универсальным свойством значения совершенного вида» [25, с. 9]. Далее следует ссылка на тот факт, что существуют целые группы глаголов, совершенный вид которых не обозначает действия, доведенного до качественного предела (или до конца). Приводятся глаголы, включающие в свое толкование смысл «стать более каким-то»: *возрасти, замедл(ь)ся, повыс(ь)ся, ускор(ь)ся*) и т. п. Такие глаголы обозначают действие, которое может быть продолжено: *Цены повысились и продолжают повышаться*, ср. невозможность **Он надел пальто и продолжает его надевать* [25, с. 8—9]. На наш взгляд, факты, приведенные М. Я. Гловинской, не могут опровергнуть критикуемое ею определение значения СВ. Они свидетельствуют лишь о том, что с участием лексики и контекста в высказывании выражаются две разновидности предела, которые можно назвать абсолютным и относительным пределом. Однако данное различие, выделяемое на уровне семантики высказывания, является слишком частным для уровня грамматического значения формы СВ. На этом уровне выражается лишь ограниченность действия пределом, безотносительно к тому, каков этот предел [26].

О признаке «смена ситуаций»

Определение значения СВ на основе признаков ЦЕЛОСТИ, и ОГР. вполне совместимо с определением, базирующимся на признаке «смена ситуаций» («изменение ситуации»). Целостность и ограниченность действия пределом обуславливают возможность перехода к новой ситуации, новому состоянию. Как отмечает А. Барентсен, «...из представления какого-нибудь действия в целостности обязательно вытекает тот факт, что это действие сменяется чем-то другим (каким-то состоянием или другим действием), это и есть наша „смена SIT“. В то время как в „ленинградском* определении внимание сосредоточено на том, что „производит“ такую смену, в нашем определении внимание прежде всего обращается на вторую SIT» [27]. Ср. также высказывание В. Броя о том, что признак целостности (Totalitat) может быть представлен как понимание действия с включением его границ, причем в тексте целостная интерпретация действия служит для того, чтобы изменить данную ситуацию [28]. Заметим, что в этом высказывании фактически выделен особый функциональный план, к которому относится цель «изменить данную ситуацию». Действительно, один уровень — это целостная интерпретация действия как значение грамматической формы СВ, а другой — для чего, в какой функции данное значение используется в высказывании.

Подход А. Барентсена к определению семантического различия видов на основе понятия «смены ситуаций» близок к точке зрения, согласно которой значением СВ является наступление нового в цепи событий, последовательность сменяющих друг друга действий. СВ наделяется признаком «секвентности» в отличие от НСВ, не обладающего данным признаком [29].

На наш взгляд, подобные отношения, связанные с категориями вида и таксиса [30, с. 70—98], т. е. аспектуально-таксисные отношения, представляют собой комбинаторные признаки синтагматики видов, зависящие от сочетаемости видовых форм в тексте. Однако эти функции, при всей их значимости, являются все же вторичными, производными от видового значения грамматической формы. Для реализации признака секвентности необходимо сочетание по крайней мере двух видовых форм. Это один из типов функционирования форм вида, связанный с их значением, но не значение грамматической формы. Категориальное значение форм СВ и НСВ должно быть действительным для разных синтагматических условий, т. е. не может ограничиваться лишь некоторыми условиями.

У А. Барентсена признак «смена ситуаций» трактуется более обобщенно. В частности, он может характеризовать и изолированное действие: — *Он пришел* (в таких случаях ситуация, представленная данным действием, сменяется последующим состоянием). Вместе с тем рассматриваемый признак нельзя считать универсальным. Так, он вряд ли реализуется в высказываниях типа *Пошел вздремнуть* (имеется в виду действие, выраженное инфинитивом). На наш взгляд, в любом случае первичным фактором является системное значение СВ, основанное на признаках ОГР. и ЦЕЛОСТИ., поскольку именно из ограниченности целостного действия пределом вытекает реализующаяся в высказывании функция «смены ситуаций».

Сказанное выше относится и к определению видовых значений на основе признака «изменение». Базируясь на этом признаке («*changement*»), М. Гиро-Вебер определяет видовую оппозицию следующим образом: «...несовершенный вид обозначает наличие действия, тогда как совершенный вид — его наличие и изменение, которое за ним следует» [31]. Далее отмечается, что «изменение» должно пониматься как категория языка, а не как категория реальности [там же]. С нашей точки зрения, семантический элемент «изменение», как и сходный с ним элемент «смена ситуаций», представляет собой функциональное следствие (реализацию на уровне высказывания) базисного категориального значения формы СВ, включающего признаки ОГР. и ЦЕЛОСТИ.

Признаки «смена ситуаций», «секвентность», «изменение» и т. п. фиксируют внимание на отношении ситуации, обозначаемой с участием глагола, к тому, что за ней следует. Это, так сказать, «правая интенция» в характеристике ситуации, своего рода «взгляд вперед» (ср. реализацию данного типа анализа в [32]). Однако «правая интенция» тесно связана с «левой» — с тем, что обуславливает новую ситуацию. Наличие или отсутствие «смены ситуаций» («изменения») зависит от того, ограничено ли пределом (выступает ли как единое целое) действие, обозначенное глаголом.

Итак, обращение к понятиям «смена ситуаций», «изменение» и т. п. целесообразно и полезно, поскольку оно дополняет наши представления о семантике видов, но оно отнюдь не отменяет той стороны этой семантики, которая связана с признаками ОГР. и ЦЕЛОСТИ. Они являются первичными, базисными. На уровне категориальных значений видовых форм, на наш взгляд, действительны именно последние признаки.

О понятии среды по отношению к системным значениям видовых форм

Значения форм СВ и НСВ — это системные значения, представляющие собой ту основу, на которую накладываются и с которой взаимодействуют элементы окружающей среды.

Среда по отношению к той или иной языковой единице, категории или группировке как исходной системе трактуется нами как множество языковых (в части случаев также и внеязыковых) элементов (в рамках более широкой системы, вмещающей исходную, а также в различных смежных сферах), играющее по отношению к исходной системе роль окружения, во взаимодействии с которым она выполняет свою функцию [33; 30, с. 47–57].

При рассмотрении понятия среды применительно к категории вида как исходной системе необходимо учитывать все те языковые единицы, классы и категории, семантика которых взаимодействует с системными видовыми значениями, влияя на их реализацию в речи.

По отношению к грамматической категории вида в роли среды выступают следующие элементы:

а) лексические значения глаголов и представляемые ими семантические классы, воздействующие на реализацию видовой семантики, ср., например, глаголы состояния, отношения и т. п. (см. [21, с. 48–65; 34; 35]);

б) способы действия и лексико-грамматические разряды предельных/непредельных глаголов [36];

в) представленные в данной глагольной лексеме грамматические категории, взаимодействующие с видом (время, наклонение, лицо, залог);

г) элементы окружения данной формы, образующие аспектуально значимый контекст; это понятие охватывает, в частности, другие глагольные формы (любые формы сказуемого), выступающие в данном предложении или соседних предложениях, обстоятельственные показатели типа *постепенно, вдруг, часто*, подлежащее и дополнение со значениями конкретности/неконкретности субъекта и объекта. Воздействие на вид в данном случае осуществляется через семантику локализованности/не локализованности действия во времени, ср. — *В тридцать четвертом году, когда в отставке был, он книгу написал «Будущая война». Вот эту. Генералы, когда о ни в отставке, любят книги писать.* (К. Симонов. Живые и мертвые).

Языковые средства, отмеченные в пунктах (а–в), представляют по отношению к видовой форме с ее системным значением в н у т р и л е к с е м н у ю среду, тогда как средства, отмеченные в пункте (г), — с р е д у в н е л е к с е м н у ю.

«Ближней средой» по отношению к категориальным видовым значениям являются разнообразные семантические элементы, охватываемые понятием аспектуальности. Они представляют собой ближайшее окружение категории вида как центра данной семантической сферы («окружение» — это в данном случае весьма условное выражение, поскольку речь идет и о пересечениях).

Аспектуальность может рассматриваться как группировка функционально-семантических полей (ФСП), включающая ФСП лимитативности, длительности, кратности, фазовости, перфектности, а также поля действия (акциональности), состояния (статальность) и отношения (реляционность) [19, с. 40–63].

Семантическая сфера аспектуальности весьма[|неоднородна, много-

мерна. Охватываемые ею элементы объединяются лишь по тому признаку, что во всех случаях речь идет о том, «как протекает во времени или как распределяется во времени тот процесс, который обозначен в основе глагола» (так писал А. М. Пешковский «о том, что такое «вид» глагола вообще» [18, с. 104-105]). Семантика аспектуальности близка к тому, что Г. Гийом называл «внутренним временем» действия [37], в отличие от «внешнего времени» — отношения действия к моменту речи или другой исходной точке отсчета. В рамках этой семантической сферы, которую трудно охарактеризовать точнее и определеннее, размещаются семантические элементы, которые отличаются многомерностью (ср. характеристику многомерности видовой семантики, данную Э. Косериу [38]). Категориальные значения видов, представляющие собой элемент грамматической системы, пересекаются и взаимодействуют с этими значениями как элементами аспектуальной среды. «Ближняя среда» по отношению к категории вида не ограничивается сферой аспектуальности: сюда входят также временная локализованность и темпоральность (может быть, и элементы модальности). Связи грамматической категории вида с целым комплексом ФСП — это проблематика поля, о которой неоднократно шла речь в предшествующих работах автора, но в этой статье для нас важно подчеркнуть особый подход к данной проблематике — с точки зрения соотношения «система — среда».

Семантическая маркированность СВ/немаркированность НСВ и типы взаимодействия системы и среды

В общей теории систем различаются два типа поведения системы в ее отношении к среде — *реактивное*, т. е. во всем основном определяемое воздействием среды, и *активное*, т. е. определяемое не только состоянием и воздействием среды, но и собственными целями системы, предполагающими преобразование среды, подчинение ее своим потребностям [39].

Указанные типы взаимодействия системы и среды необходимо учитывать и в лингвистическом анализе. Формы СВ, рассматриваемые со стороны их системного значения, характеризуются активным поведением по отношению к среде, тогда как формы НСВ демонстрируют поведение реактивное. Это различие связано со статусом маркированного и немаркированного членов оппозиции. Маркированность СВ определяет «сильное» (активное) воздействие грамматической системы на среду, в то время как немаркированность НСВ создает разнообразные возможности для активного воздействия «сильной» среды на исходную систему. Отсутствие признаков ЦЕЛОСТИ, и ОГР, как системное значение НСВ играет роль своего рода «пассивного фона», на который накладываются признаки внутрилексемной и внелексемной среды.

Если форма СВ «идет в контекст» с собственно общим (инвариантным) значением, которое лишь конкретизируется и модифицируется контекстом (и шире — средой), то форма НСВ как немаркированный член видовой оппозиции «идет в речь» не с положительным значением, а с некоторой значимостью, компетенцией, способностью выражать определенный спектр семантических признаков. Форма задает лишь общие контуры и пределы этого спектра — от значений, контрастирующих с семантикой СВ, до значений, контактирующих с этой семантикой, хотя и не совпадающих с нею. Реализация семантического потенциала НСВ определяется активным воздействием лексики, контекста и речевой ситуации. Упомя-

нутые различия выявляются в сфере частных видовых значений (об истории их разработки см. [21, с. 70–721]).

Частные значения СВ могут быть представлены в следующей схеме:

Категориальное (системное) значение: ЦЕЛОСТИ., ОГР.		
Основное значение: конкретно-фактическое (Я его встретил)		
Вторичные частные значения, производные от основного:		
наглядно-примерное	потенциальное	суммарное
<i>(Иногда встретишь его и не знаешь, как с ним говорить)</i>	<i>(Таких людей на каждом шагу не встретишь)</i>	<i>(Я его там дважды встретил)</i>

Категориальное значение формы СВ реализуется в речи прежде всего в основном (главном) значении — конкретно-фактическом. В подавляющем большинстве случаев употребления форм СВ выражается именно это значение. Оно составляет основу всех прочих (вторичных) частных значений, представляющих собой ту или иную контекстуально обусловленную модификацию семантики конкретного факта. Семантическое пространство частных значений СВ имеет центрированную, фокусированную структуру, ядром которой является указанное основное значение.

Производность вторичных частных значений СВ от основного очевидна. При выражении наглядно-примерного значения реально повторяющееся действие представлено как бы на наглядном примере одного из актов его осуществления — одного конкретного факта (в данном случае конкретность выступает в метафорической интерпретации). Потенциальное значение представляет собой сочетание элемента «конкретный факт» (обычно в наглядно-примерной модификации) и модального элемента потенциальности. Суммарное значение сводится к обозначению (средствами контекста в сочетании с видовой формой) суммы конкретных фактов.

Активная роль самой формы СВ в выражении аспектуальной семантики очевидна при передаче конкретно-фактического значения. Для его реализации достаточен минимальный контекст, например, *Он все сказал* и т. п. Пригоден любой контекст за теми довольно редкими исключениями, которые обуславливаются показателями, переводящими видовую семантику в плоскость вторичных частных значений. Ср. наглядно-примерное значение: *Всегда так — скажет, а потом уже подумает*.

При выражении вторичных значений роль среды возрастает, однако активность основного значения — с его системной доминантой — проявляется в том, что оно по существу присутствует в каждом из производных от него значений, хотя и в преобразованном (под влиянием контекста) виде.

Категориальное значение СВ, репрезентируемое в речи прежде всего конкретно-фактическим значением, играет в данной семантической сфере интегрирующую роль: то, что исходит от грамматической системы, от представляющей ее грамматической формы вида, объединяет все частные значения СВ. Что же касается семантических элементов, которые исходят от среды, то они играют дифференцирующую роль: элементы среды отличают одно частное значение от другого. В целом тенденция к интеграции в семантической сфере СВ доминирует, «разброс значений» невелик, производность вторичных значений от основного, как уже говорилось выше, обуславливает фокусированность данной семантической сферы, характеризующейся активным поведением системы в ее взаимодействии с окружающей средой.

Обратимся теперь к значениям НСВ, представленным в следующей схеме:

Частные значения НСВ:	
конкретно-процессное	(Я читал книгу, когда он вошел)
неограниченно-кратное	(Я читал по вечерам)
Категориальное (системное) значение:	обобщенно-фактическое (— Ты читал эту книгу ¹)
«отсутствие признаков ЦЕЛОСТИ, и ОГР.»	ограниченно-кратное (Я читал это дважды)
	реляционное (Финляндия граничит с СССР)
	потенциально-качественное (Он играет на скрипке, поет и танцует)
	нейтральное («неквалифицированное») (Я хочу есть; Я вам верю; Он не может ждать)

Трактовка НСВ как немаркированного члена видового противопоставления, восходящая к концепциям Ф. Ф. Фортунатова и Р. О. Якобсона, дает возможность объяснить существенные особенности функционирования этой формы. Ср., например, обобщенно-фактическое значение (*Ему уже докладывали об этом* и т. п.): налицо обобщенное указание на самый факт действия при имплицуемой целостности и ограниченности пределом. Именно немаркированность НСВ позволяет при соответствующих условиях ситуации и контекста имплицитно передавать ту семантику, которая в других условиях эксплицитно выражается формой СВ (ср. *Ему уже доложили...*). Сошлемся также на употребление НСВ в настоящем историческом: те действия, которые в прошедшем времени были бы выражены формами СВ (*Вдруг кто-то вошел...*), в данном временном плане представляются формами НСВ в имплицитной целостности и имплицитной ограниченности пределом (ср. *Вдруг кто-то входит*). Ср. также неограниченно-кратное значение в таких случаях, как *Он легко решал такие задачи*: имплицуется доведение действия каждый раз до предела. Достижение предела может имплицироваться и при выражении ограниченно-кратного значения (ср. *Ему об этом уже два раза докладывали*).

Элементы среды, окружающей форму НСВ при ее функционировании, разнородны. Ср., с одной стороны, контекстуальные обстоятельственные показатели (в высказываниях типа *Я читал по вечерам; Я читал это дважды*), а с другой (при выражении реляционного значения) — принадлежность глагола к определенному лексическому классу. Из разнородности среды при семантической немаркированности формы НСВ вытекает неоднородность значений, выражаемых с ее участием.

Иногда разнородность частных значений НСВ расценивается как недостаток их описания, их классификации. В действительности же, если учесть рассматриваемое соотношение элементов системы (при семантической немаркированности формы НСВ) и разнородных элементов среды, то становится ясным, что классификация этих значений и не может иметь иной характер, т. е. в полной мере соответствовать логическим критериям однородности, последовательности и т. п. Речь идет о типичном при- мере естественной классификации.

Интегрирующее воздействие категориального значения грамматической формы при функционировании НСВ выражено слабее, чем в сфере СВ, поскольку форма НСВ не обладает постоянным положительным признаком.

Если система частных значений СВ имеет компактную моноцентрическую структуру, то система частных значений НСВ отличается структурой диффузной, слабо централизованной. Диффузность «семантического пространства» НСВ находит также проявление в сильно выраженной (во всяком случае по сравнению с СВ) нечеткости границ между отдельными значениями, в их пересечениях.

Можно говорить об определенной иерархии частных значений НСВ, однако эта иерархия не имеет четко выраженного характера, не может быть признана однозначной и абсолютной. Признаки, на основании которых те или иные значения могут быть отнесены к числу основных, разнородны.

Конкретно-процессное значение, скорее всего, следует признать основным. Данное значение характеризуется свойством наибольшей специфичности. Признаки НЕЦЕЛОСТН. и НЕОГР, на которых оно базируется, противоположны признакам ЦЕЛОСТИ, и ОГР., присущим формам СВ. Конкретно-процессное значение противопоставлено основному значению СВ.— конкретно-фактическому. Конкуренция этих значений невозможна. Вместе с тем реализация конкретно-процессного значения ограничена рядом условий. Для этого необходимы следующие элементы среды: а) лексическое значение глагола, способное сочетаться с выражением действия в процессе его протекания (ср., например, глаголы типа *ловить*, *лукавить*, *малодушествовать*, *ротодействовать* и т.п., не выражающие конкретной временной локализованности [40]); б) способ действия, совместимый с конкретной процессностью (ср. такие способы действия, как многократный — *сизжилал*, *хаживал*, *певал* и т.п., не способные выступать в конкретно-процессном значении); в) ситуация наблюдаемости (перцептивности) [2, с. 132—135]; г) установка высказывания на изображение ситуации в ее развитии (а не на информацию о факте или обозначение постоянных отношений и т.п.).

Одну из верхних ступеней в рассматриваемой иерархии занимает неограниченно-кратное значение (речь может идти о «втором месте» в комплексе двух основных значений). Такая характеристика базируется, с одной стороны, на признаке высокой регулярности, а с другой — свободной сочетаемости с глаголами разных лексических классов (ср. замечания В. С. Храковского, который выдвигает данное значение на первое место в аспектуальной иерархии [41], солидаризируясь в этом отношении с Е. Филатовой-Хелльберг и Б. Панцером).

Третьим в данной иерархии, на наш взгляд, является обобщенно-фактическое значение, которое, вероятно, можно рассматривать как относящееся к переходной зоне между центром семантической сферы НСВ и периферией (можно говорить и о «ближней периферии»). Данное значение отличается специфичностью особого рода: в нем наиболее полно представлены имплицативные способности НСВ по отношению к признакам ЦЕЛОСТИ, и ОГР. (речь идет о той разновидности, которую мы называем событийной; ср. конкуренцию видов типа *Я уже завтракал I позавтракал*). Если конкретно-процессное значение основано на системном отношении «ЦЕЛОСТИ.-», «ОГР.-» (или, что то же самое, «НЕЦЕЛОСТН.+», «НЕОГР.+»), то обобщенно-фактическое значение базируется на отношении «ЦЕЛОСТИ.+ / -», «ОГР.+ / —» (подробнее см. [2, с. 160—189]).

Другие частные значения НСВ характеризуются более четкими признаками периферийности, однако резкой грани между центральной и периферийной зонами, а также между ближней и дальней периферией нет. В частности, с обобщенно-назывной разновидностью обобщенно-фактического значения (*Пришлось возвращаться; Пора уходить; Не знаю, что и отвечать; Соглашаться или нет?* [2, с. 170–175]) пересекается нейтральное («неквалифицированное») значение: *Придется ехать на новое место; Противник был вынужден откатываться назад* и т. п. Нейтральное («неквалифицированное») значение [там же, с. 116, 140, 148, 174, 178], которое ранее не выделялось, нуждается в специальном исследовании и обосновании (представленная выше трактовка соотношения центральных и периферийных частных значений НСВ в их отношении к частным значениям СВ во всем основном согласуется с истолкованием системы частных видовых значений и типов противопоставлений СВ и НСВ, убедительно обоснованным Ю. С. Масловым [21, с. 70–84]).

Между отдельными значениями НСВ возможны отношения частичной («фрагментарной») производности, сочетающиеся с частичной самостоятельностью. Постоянной является лишь зависимость всех частных значений НСВ от семантической немаркированности данной формы.

Поясним наше понимание производности. Имеются в виду те случаи, когда в данном частном значении прослеживается его зависимость от другого значения, которое рассматривается как исходное, причем зависимость заключается в том, что элементы исходного значения сохраняются (хотя и в преобразованном виде) в значении производном, выступая как его основа (ср. иное истолкование производности в сфере частных значений НСВ, предложенное в интересной статье Е. В. Падучевой [42]).

Проявления ограниченной производности таковы.

1. Неограниченно-кратное значение НСВ в части случаев может рассматриваться как производное от конкретно-процессного значения. Кратность (узуальность) обозначаемой ситуации не устраняет процессности действия, поддерживаемой лексическим значением глагола и контекстом. Таким образом, передается кратность на процессной основе (*Каждый день он медленно поднимался по лестнице...*). Однако в других случаях связь с процессностью отсутствует. Это возможно как в тех условиях, когда данный глагол вообще не выступает в процессном употреблении (*Я часто замечал...*), так и при способности глагола выражать конкретно-процессное значение (*Обычно дети легко решали все предложенные задачи*). В высказываниях обоих типов итеративная ситуация производна от такой неитеративной ситуации, которая выражается с участием глагола СВ в конкретно-фактическом значении (ср. *Дети легко решили...; Я заметил...*).

2. Ограниченно-кратное значение в одних случаях может рассматриваться как производное от конкретно-процессного значения (*Я сегодня трижды поднимался по этой лестнице*), в других же — от обобщенно-фактического (*Его дважды предупреждали*) — все зависит от лексического значения глагола и от контекста.

3. Потенциально качественное значение НСВ может быть истолковано как производное от значения неограниченно-кратного: в случаях типа *Стрелок был сумасшедший — пулеметом распиливал бревно, как пилой* (П. Павленко. Долг) обозначается неограниченная кратность, осложненная модальным элементом способности и элементом качественной характеристики субъекта. В высказываниях типа *Она вяжет, шьет, играет на гитаре* основой качественной характеристики субъекта также является

повторяемость и обычность обозначаемых действиях.

Проявления семантической производности в сфере НСВ по своей фрагментарности, непоследовательности и множественности существенно отличаются от однонаправленной и однозначной производности всех вторичных частных значений СВ от первичного — конкретно-фактического. Эти различия в системно-структурной организации частных значений СВ и НСВ обусловлены различием маркированности / немаркированности и связанными с ним разными типами взаимодействия системного значения формы и окружающей среды.

Частные значения НСВ, о которых идет речь в аспектологических исследованиях, вряд ли исчерпывают всю семантическую зону НСВ. Кроме того, частные видовые значения в традиционном понимании не исключают других возможных членений видовой семантики. Так, может быть поставлен вопрос об особой группировке «импликативных» значений, связанных с немаркированностью НСВ. К этой группировке можно отнести 1) те разновидности обобщенно-фактического, неограниченно-кратного и ограниченно-кратного употребления НСВ, которые сопряжены с импликацией признаков ЦЕЛОСТИ, и ОГР. (ср. приведенные выше примеры типа *Ему уже (дважды) докладывали об этом; Он легко решал такие задачи*); 2) все типы употребления НСВ, в которых представлена импликация признаков, эксплицитно выражаемых формами СВ, в сочетании с некоторыми признаками НСВ (что позволяет в принципе ставить вопрос о полной или частичной нейтрализации видового противопоставления в некоторых «позициях» [43, с. 226—234]). Речь идет, в частности, о «несобственной несовершенности» (по выражению Э. Кошмидера [44]) в настоящем историческом (*Вдруг он вскакивает...*) и сценическом (*Входит Н.*). Ср. также «настоящее эмоциональной актуализации», например: *Полиция, не разобрав смысла, представила письмо государю... Однако какая глубокая безразличность в привычках нашего правительства*. *Полиция распечатывает письма мужа к жене и приносит их читать царю* (А. С. Пушкин. Дневники) и настоящее время намеченного действия в случаях типа *Завтра я ужею* (ср. анализ высказываний типа *Скоро я совсем бросаю курить* в [45]). В двух последних типах употребления форм настоящего времени «презентная импликативность» пересекается с той разновидностью обобщенно-фактического значения, которую М. Я. Гловинская называет общефактическим результативным [25, с. 116—144]. «Презентно-импликативное» употребление НСВ вряд ли может рассматриваться как одно из частных значений НСВ. Скорее речь может идти об особом измерении видовой семантики, возникающем при членении семантической сферы НСВ на «собственную» и «несобственную» несовершенность.

Выскажем некоторые замечания об отношении частных значений СВ и НСВ к различию локализованности / нелокализованности действия во времени (Л / НЛ).

Категориальные (общие) и частные значения обоих видов активно взаимодействуют с семантикой Л / НЛ. Это взаимодействие по-разному осуществляется в сферах СВ и НСВ, что опять-таки определяется свойствами семантической маркированности / немаркированности.

Основное (конкретно-фактическое) значение СВ представляет собой результат взаимодействия системных признаков ЦЕЛОСТИ, и ОГР. с исходящим от окружающей среды признаком Л. Этот признак настолько типичен для окружения формы СВ при ее функционировании, что он отчасти как бы срастается с самой формой и может восприниматься как ее

постоянное системное свойство. Однако, на наш взгляд, признак Л все же следует признать скорее высокочастотным, чем постоянным.

Существует точка зрения, согласно которой признак Л рассматривается как один из признаков значения или функции формы СВ. Таково, например, защищаемое Г. Мелигом истолкование признака АКТУАЛИТАТ — «актуальность» (в основном соответствующего признаку Л в нашем понимании) как одной из грамматических функций СВ, наряду с признаком TOTALITAT — «целостность» [46]. Мы предпочитаем относить признак Л к основному значению СВ, но не к значению категориальности. На общекатегориальном уровне существенна вероятностная характеристика сочетаемости СВ преимущественно с признаком Л, но не с противоположным признаком НЛ (ср. используемое нами обозначение «СВ: Л + / (—); НСВ: Л + / —», где «+ / (—)» — «возможность невыражения данного признака является ограниченной» [43, с. 13—16]; впрочем, это явно дискуссионный вопрос, который может иметь разные решения).

Для НСВ характерна сочетаемость как с локализованностью, так и с нелокализованностью действия (и ситуации в целом) во времени («Л + + / —; НЛ + / —), ср.: — *Что это ты там делаешь?* (Л) и — *Ты всегда так делаешь!* (НЛ). Разумеется, это лишь общая характеристика потенциальных возможностей функционирования данной формы, которая существенно дифференцируется на уровне анализа отдельных лексических классов глаголов и отдельных способов действия.

Интерпретационная доминанта видовых значений

В видовых значениях, как уже было отмечено выше, преобладает интерпретационный компонент, хотя в них представлен и компонент отражательный (ср., например, конкретно-процессное значение НСВ). Далее мы сосредоточим основное внимание на интерпретационной стороне семантики вида.

Тезис о преимущественно интерпретационном характере значений видовых форм, в частности формы СВ, становится особенно очевидным при сопоставлении с тем подходом к видовой семантике, который представляет собой своего рода контраст по отношению к «интерпретационной концепции вида». Примечательна в данном отношении точка зрения польского аспектолога А. Богуславского. Критикуя «довольно загадочное понятие неделимой целостности действия», он пишет, что это понятие «не только туманно, но и неверно постольку, поскольку оно предполагает отсутствие фаз, этапов действия» [47]. По этому поводу можно сказать следующее. Разумеется, в реальной действительности каждое действие имеет начало, середину и конец, однако не следует забывать о том, что мы изучаем не реальные действия, а их представление (интерпретацию) в языковых значениях. Эта интерпретация отнюдь не является прямым и непосредственным отражением всех свойств реальных действий. «Взгляд на действие», зафиксированный в категориальном значении видовой формы, не совпадает и не должен совпадать со всеми признаками действий во внеязыковом мире. Сошлемся на другие факты аналогичного характера. Всякое реальное действие характеризуется той или иной длительностью. Тем не менее формы обоих видов в их языковом значении далеко не всегда содержат отношение к данному семантическому признаку. Действие может быть представлено безотносительно к его длительности. Ср. НСВ: — *Клянусь...; — Меня вызывали!* и т. п., СВ: *Он сказал, что придет; Его вызвали* и т. п.

Особенно четко интерпретационная доминанта видовой семантики выступает при так называемой «конкуренции видов», когда различия видовых значений выступают как различия в оттенках представления характера протекания действия во времени при сохранении одного и того же смысла высказывания. Ср. соотношение конкретно-фактического значения СВ и обобщенно-фактического значения НВВ в следующем примере:— *Предлагала — не приказывают.— вздохнула она. — Правда, предложила"? — спросила Маша...* (К. Симонов. Софья Леонидовна).

Разумеется, замена одного вида другим возможна далеко не всегда. В большинстве случаев такая замена влечет за собой либо изменение смысла высказывания (ср. в приведенном выше примере появление смысла повторяемости ситуации при употреблении форм НСВ *вздыхала* и *спрашивала*), либо нарушение существующих норм (так, нельзя сказать **Он долго поднялся*). Однако во всех случаях содержание видовых различий — это определенная интерпретация характера протекания действия в его отношении к признакам ЦЕЛОСТИ, и ОГР., обусловленная спецификой грамматической системы русского языка (и других славянских языков), требующей в каждом акте употребления глаголов обязательного выражения значения либо одного, либо другого вида. Не существует абсолютных и прямых соответствий между объективными свойствами внеязыковых действий и глагольным видом (хотя частичные и опосредствованные связи существуют). Именно в этом смысле мы говорим об интерпретационной доминанте семантики вида.

Облигаторность распределения содержания любого глагольного предиката по интерпретационным значениям СВ и НСВ (в условиях аспектуальной избыточности, усиливаемой связями вида с множеством способов действия) обуславливает сильно выраженную неуниверсальность русской (и шире — славянской) видовой системы. Отдельные значения могут проявлять общность с аспектуальной семантикой в других языках, но видовая система как целое не универсальна.

Грамматические значения с интерпретационной доминантой не однородны. В частности, существенны различия по «степени формальности». Могут быть выделены значения, характеризующиеся высокой степенью формальности. Таково, например, значение предметности, или субстанциональности, присущее всем именам существительным (не только таким, как *лампа, дом* и т. п., но и таким, как *бег, сон, белизна*). Оно заключается в интерпретации обозначаемого как отдельной субстанции, самостоятельного «предмета мысли» — носителя признаков [18, с. 62—80]. С другой стороны, существуют интерпретационные значения высокой степени мотивированности и «смысловой ясности». Ср., в частности, переносные значения типа настоящего исторического или настоящего воображаемого действия. Видовые значения, по-видимому, занимают промежуточное положение между крайними проявлениями степени формальности — максимальной и минимальной. Системные значения СВ и НСВ имеют отвлеченно-формальный характер, но формальность ослабляется в частных видовых значениях — более «простых», «прозрачных» и «доступных» благодаря воздействию контекста (и среды в целом).

Говоря об интерпретационной доминанте видовых значений, мы подразумеваем ту языковую семантическую интерпретацию, которая заложена в данной форме как результат исторического развития той грамматической подсистемы, в которую она включена. Высокая степень абстрактности и формальности различительных признаков, лежащих в основе

видового противопоставления, не препятствует функционированию данной грамматической подсистемы (напротив, может быть, благодаря этому создаются необходимые условия для многообразных вариаций ее взаимодействия со средой). Возможно, именно высокая степень абстрактности категориальных видовых значений создает необходимые предпосылки для их существования как подлинно инвариантных, «общих значений» (ср. иную точку зрения, согласно которой следует вовсе отказаться от понятия «семантическое содержание видовой характеристики» [48]).

Видовые значения, обогащенные воздействием внутрилексемной и внелексемной среды, включаются в содержание высказывания, однако сами по себе они не заключают в себе такого смыслового содержания, которое постоянно и регулярно осознавалось бы говорящими как мотивированный элемент речевого смысла. «Осознавание» возможно, но для этого необходимы особо благоприятные условия внутрилексемной и внелексемной среды. Ср., например, высказывания типа *Объяснял, да не объяснил*. Значение ограниченности действия пределом получает здесь четко выраженный «выход в смысл» в условиях контраста глагола общерезультативного способа действия *объяснил* с предшествующей формой НСВ, передающей направленность на достижение результата. Выражается недостигнутый результат. В такой конкретной реализации значение СВ вполне может быть осознано говорящим и слушающим как один из существенных элементов речевого смысла (ср. — *Ты сдавал экзамен? — Сдавал, да не сдал*). Очевидно, однако, что такая осознаваемость видового значения возможна далеко не всегда.

Причины «трудной осознаваемости» грамматических значений могут быть различными. В отношении вида это прежде всего «всеобщность» видовой оппозиции, ее распространение на все глаголы и глагольные формы, а также связанная с этим далеко идущая избыточность категории вида. То или иное видовое значение, облигаторно выражаемое в каждом акте употребления глагола, далеко не всегда необходимо и обязательно для передаваемого речевого смысла.

Справедлива констатация того факта, что в предложении видовое значение может быть настолько тесно сплавленным с контекстуальными значениями, что уже не выступает в «оригинальной форме» [49, с. 150—151]. Как замечает В. Леманн, мотивацией к употреблению СВ в случаях типа *Петров придет* является не целостность (*Ganzheitlichkeit*), а скорее «будущее» и «однократность», «...но никто не скажет, что будущее — это значение СВ» [там же].

Необходимо проводить различие между двумя сущностями: 1) системным значением грамматической формы вида (которое в одних случаях может осознаваться говорящим как элемент смысловой цели и мотивации высказывания, а в других не осознается и не мотивируется, но во всех случаях сохраняет свойства системных значений, вступающих во взаимодействие со средой) и 2) смысловой целью и смысловой мотивацией употребления данной видовой формы: для чего и почему она употребляется (это может быть связано не со значением видов непосредственно, а с другими категориями и функциями, взаимодействующими с видом, а также со сложными правилами, обусловленными облигаторностью данной категории) *.

* Автор выражает искреннюю благодарность Т. Г. Акимовой, Н. А. Козинцевой и В. М. Павлову за полезные замечания, высказанные при обсуждении этой статьи.

1. Бондарко А. В. Теория морфологических категорий. Л., 1976. С. 47—50.
2. Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983.
3. Бондарко А. В. Временная локализованность // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987. С. 210—233.
4. Степанов Ю. С. Вид, залог, переходность (Балто-славянская проблема. I) // ИАН СЛЯ. 1976. № 5.
5. Степанов Ю. С. Вид, залог, переходность (Балто-славянская проблема. II) // ИАН СЛЯ. 1977. № 2.
6. Пуупин Ю. А. Взаимосвязи категорий вида и залога в русском языке при функционировании форм несовершенного вида в пассивных конструкциях // Теория грамматического значения и аспектологические исследования. Л., 1984.
7. Храковский В. С. Императивные формы НСВ и СВ в русском языке и их употребление // Russian linguistics. 1988. № 12.
8. Rathmayr R. Aspektkonkurrenz in modalen Kontexten // Slavistische Beiträge. Bd 113. Munchen, 1977.
9. Lehmann V. Kontextuelle Aspekt- und Tempussemantik im Russischen // Slavistische Beiträge. Bd 138. Munchen, 1980.
10. The scope of Slavic aspect / Ed. by Flier M. S., Timberlake A. Ohio, 1985.
11. Birkenmaier W. Aspekt, Aktionsart und nominale Determination im Russischen // ZSlPh. 1977. Bd 29.
12. Salnikov N. Funktionale Satzperspektive und Verbalaspekt im Russischen // Zielsprache Russisch. 1980. Hf. 3.
13. Бондарко А. В. Грамматическое значение и смысл. Л., 1978. С. 128—170.
14. Маслов Ю. С. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (Значение и употребление) // Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М., 1959.
15. Dahl O. Tense and aspect systems. Oxford; New York, 1985. P. 76.
16. Размусен Л. П. О глагольных временах и об отношении их к видам в русском, немецком и французском языках // ЖМНП. 1891. Т. 275.
17. Comrie B. Aspect. An introduction to the study of verbal aspect and related problems. Cambridge, 1976. P. 3.
18. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М., 1956.
19. Бондарко А. В. Содержание и типы аспектуальных отношений // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987.
20. Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Ч. II: Морфология. Братислава, 1960. С. 131—133.
21. Маслов Ю. С. Очерки по аспектологии. Л., 1984.
22. Шахматова А. А. Синтаксис русского языка. Л., 1941. С. 472.
23. Фортунатов Ф. Ф. Сравнительное языковедение // Фортунатов Ф. Ф. Избр. труды. Т. 1. М., 1956. С. 161.
24. Тимберлейк А. Инвариантность и синтаксические свойства вида в русском языке // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV. М., 1985. С. 266—267, 284—285.
25. Гловинская М. Я. Семантические типы видового противопоставления русского глагола. М., 1982.
26. Бондарко А. В. Семантика предела // ВЯ. 1986. № 1. С. 17—18.
27. Барентсен А. А. Наблюдения над формированием союза *noка* // Dutch contributions to the VIII International congress of slavists. The Hague, 1978. P. 97.
28. Breu W. Zum kontrastiven Vergleich des Verbalaspekts im Englischen und Russischen // Probleme der Russischen Gegenwartssprache und -Literatur in Forschung und Lehre: Materialien des Internationalen MAPRJAL-Symposiums. Marburg. 8—10 Oktober 1985. Hamburg, 1985. S. 27.
29. Гуревич В. В. О значениях глагольного вида в русском языке // РЯШ. 1971. № 5. С. 73—79.
30. Бондарко А. В. Функциональная грамматика. Л., 1984.
31. Guiraud-Weber M. L'aspect du verbe russe (Essais de presentation). P., 1988. P. 66.
32. Wierzbicka A. On the semantics of the verbal aspect in Polish // To honor Roman Jakobson. V. 3. The Hague; Paris, 1967. P. 2232—2234.
33. Бондарко А. В. Опыт лингвистической интерпретации соотношения системы и среды // ВЯ. 1985. № 1. С. 14.
34. Булыгина Т. В. Классы предикатов и аспектуальная характеристика высказы-

- вания//Аспектуальные и темпоральные значения в славянских языках. М., 1983. С. 303—316.
35. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Ментальные предикаты в аспекте аспектологии// Логический анализ языка: Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М., 1989. С. 31—54.
 36. Шелякин М. А. Категория вида и способа действия (теоретические основы). Таллинн, 1983.
 37. Guillaume G. Immanence et transcendence dans la categorie du verbe // Guillaume G. Langage et science du langage. 3-e ed. P., 1973. P. 47—48.
 38. Coseriu E. Aspect verbal ou aspects verbaux? Quelques questions de tbiorie et de methode// Recherches linguistiques. Etudes publiees par le Centre d'analyse syntaxique de l'Universite de Metz. V. P., 1980. P. 13—23.
 39. Философская энциклопедия. Т. 5. М., 1970. С. 19.
 40. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982. С. 345—346.
 41. Храковский В. С. Кратность//Теория функциональной грамматики. Введение. Аспекту альность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987. С. 145—146.
 42. Падучева Е. В. Семантика вида и точка отсчета (В поисках инварианта видового значения)// ИАН СЛЯ. 1986. № 5. С. 414, 423.
 43. Бондарко А. В. Вид и время русского глагола (значение и употребление). М., 1971.
 44. Koschmieder E. Aspektologie des Polnischen. Neuried, 1987. S. 83—98.
 45. Гловинская М. Я. Семантика, прагматика и стилистика видовременных форм // Грамматические исследования: Функционально-стилистический аспект. Суперсегментная фонетика. Морфологическая семантика. М., 1989. С. 88.
 46. Mehlig H. R. Linguistische und didaktische Oberlegungen zum Verbalaspekt im Russischen//Zielsprache Russisch. 1980. Hf. 1. S. 1—3.
 47. Богуславский А. К вопросу о семантической стороне глагольных видов // Z polskich studiow slawistycznych. Ser. 4: Językoznawstwo. Warszawa, 1972. S. 232.
 48. Милославский И. Г. К определению основных понятий аспектологии // ИАН СЛЯ. 1987. № 4. С. 329.
 49. Lehmann V. Satzsemantische oder verarbeitungssemaatische Aspektbeschreibung. // Slavistische Beitrage. 1986. Bd 200.